

Психологические науки

УДК: 615.85

КОНЦЕПЦИЯ ТРАНСГЕНЕРАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ: СПОСОБЫ ИСЦЕЛЕНИЯ¹

Н.В. Семилет. СЕГИ Таврического национального университета
(Севастополь, Россия), e-mail: semilet@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается зависимость процесса квантования жизненного пути и создание семантических полей от травматического опыта. Рассматривается феномен травмы на индивидуальном и коллективном уровнях, механизмы трансгенерационной передачи травмы последующим поколениям. Выявлены условия преодоления травматического опыта как освоение полнезависимого поведения и выявление природной идентичности.

Ключевые слова: жизненный путь, трансгенерация, квантование, психотравма, коллективная травма, семантическое поле, полнезависимость, идентичность.

Каждое взаимодействие субъекта жизненного пути с окружающим миром оставляет в психике человека след, который может быть описан в трех координатах (силы – потентности, валентности – привлекательности, активности – подвижности). Есть обстоятельства, события, в которых личность может проявить себя как субъект жизненного пути, изменяя эти обстоятельства, переосмыслив их. Есть обстоятельства, не зависящие от субъекта проектирования жизни, глубина и сила пережитых следов которых не всегда может быть переосмыслена. И здесь очень важна роль психолога-практика, психотерапевта. Потери, энергетические пустоты, отражают прерванную жизнь (подобно вторжению в организм), что может быть обозначено как «потенциальная яма» или психотравма, выраженная как интроект – переведённый в психику человека образ объекта, не соответствующий его природе и актуальным потребностям. Квантование

¹ Мнения автора статьи и редакции журнала по ряду вопросов могут не совпадать. Как интерпретация результатов исследования, так и теоретические позиции – это целиком точка зрения автора статьи.

жизненного пути как и проектирование перспективы в таком состоянии становится невозможным или испытывает значительные деформации.

Также, кроме индивидуального измерения, сегодня все чаще говорится о травмировании нации и, вообще, человечества. Во второй половине XX века появляются катастрофические картины будущего, теория прогресса теряет значение, а социальные изменения воспринимаются как постоянный, непреодолимый "хронический" кризис нескольких поколений. В то же время появляется идея, согласно которой сама по себе изменчивость может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной "травмы" (П. Штомпка).

Целью статьи является рассмотрение зависимости процесса квантования жизненного пути и образования семантических полей от травматического опыта, что проявляется не только на индивидуальном, но и на коллективном уровнях.

Концепции психической травмы возникли на основе психоанализа (З.Фрейд, М.Хан, Ш. Ференци, М. Балинт, Г. Кристел), юнгианской психологии (Д. Калшед), когнитивной психологии (С. Епштейн, Р. Янив-Балмэн).

Формирование теории коллективной травмы начинается с проблематики идентичности, в частности, анализа нарушений национальной идентичности А. Нейл (кризис ценностного мира американцев), Дж. Александер (трагедии холокоста), Р. Айерман (проблема порабощения негров), П. Штомпка (ценностные коллизии народов восточной Европы). Культурная травма становится предметом исследования П. Штомпки, А. Аарелайд-Тарт, С.Ушакина и др. Социальные аспекты травмы, которые вызывают нарушение идентичности, рассматривают П. Горностай, А. Шутценбергер, П.Келлерман, Дж. Пайнз.

Симптомами коллективной травмы по П. Штомпке являются: синдром недоверия, отчаявшийся взгляд в будущее, ностальгия по прошлому, политическая апатия и т.п.

Даже если травмирующие изменения ожидаемы и в целом прогрессивны (например, демократическая революция), они все равно неблагоприятно влияют на общество, вносят дезорганизацию, нарушают равновесие в нём. Изменения несут травматические последствия и на

индивидуальном уровне, поскольку угрожают таким ценностям человека, как стабильность, уверенность, безопасность, возможность предвидеть события своей жизни.

В контексте теории жизненного пути актуальны исследования Ф. Василюка, который много внимания уделял проблематике кризиса в жизни человека [1].

Когда перед лицом событий, затрагивающих жизненно важные отношения, воля человека в перспективе реализации жизненного замысла парализуется, возникает критическая ситуация – кризис. Будущее теории кризиса Ф. Василюк связывал с индивидуальным бытием человека, воспринимающимся как целое, разворачивающимся в форме жизненного пути личности [1, с. 68].

В масштабе индивидуальной биографии травма исследуется в психоанализе, но коллективная травма во многом задает уровень индивидуальной (служит фоном) и создает предпосылки для «отыгрывания-вымещения», «вынужденного бессознательного повторения». Так, например, мы наблюдали как севастопольцы с большим удовольствием и эйфорией праздновали день подписания Президентом России акта «...вхождения Крыма как субъекта Российской Федерации...», поскольку это была «победа-протест над стремящимися в Евросоюз Западными украинцами и «отыгрывание за, в свое время, их переход на сторону немцев-окупантов (как «предательство славянского единства)». Эти события совпали с 70-летием освобождения Симферополя от немецко-фашистских оккупантов. Особенности конфигурации ментальных схем могут быть следствием травматического опыта, укорененного в коллективной памяти. Ранее такие состояния обозначались как кризисные, но в кризисном сознании заложена возможность выхода из нежелательного состояния, поиска единственно верной стратегии действий, развития. В травматическом сознании есть один путь – «вынужденное повторение», движение по кругу, образование смыслов не по ценностным характеристикам, а по бессознательным мотивам повторения.

Социальные последствия психотравмирующего влияния показаны в следующих понятиях, отражающих определенные состояния человека: «патологическое горе» (Лидерман), «синдром узников концентрационных лагерей» (В.Франкл), «посттравматический синдром выживших» (Леопольд), «синдром изнасилованных» (Бургес), «базисный дефект» (М.

Балинт) и др.

Концептуальную модель травмы предложил З. Фрейд. Прежде всего, травма вызвана вмешательством извне (травма по-гречески «рана, повреждение»).

З. Фрейд пишет, что «такие возбуждения извне, которые достаточно сильны, чтобы проломить защиту, мы называем травматическими. Я утверждаю, что понятие травмы включает в себя нарушения защиты от возбуждения. Такое событие, как внешняя травма, вызывает, вероятно, огромное расстройство энергетики организма и приведет в движение все защитные средства; принцип наслаждения при этом остается бессильным» [2, с. 416].

З. Фрейд исследует травматический опыт от «провалов» в памяти (история Доры) до навязчивого желания повторить подавленный опыт. Он объясняет характерный для травмы феномен остановившегося времени. Пациент «вынужден повторять вытесненное как переживание настоящего вместо того, чтобы ... вспоминать о нем как о части своего прошлого» [2, с. 205]. В этой эволюции фрейдовской мысли можно проследить, «как с «пропасти» в символической структуре («несвязная история») травма превращается в структурирующий принцип («навязчивое повторение»)» [3, с. 13]. З. Фрейд связывает травматический опыт с отщепленным либидо и долговременным нарушением распределения энергии, «мы установили, что бессознательные душевные процессы сами по себе находятся «вне времени». Это, прежде всего, означает, что они не упорядочены во времени, что время ничего в них не изменит, что представление о времени нельзя применить к ним» [2, с. 415]. Подобная мысль встречается у К.Юнга: «часть нашего психического находится вне времени и вне пространства, ... в определенной части психического время вообще не существует» [4, с. 322].

М. Балинт считал, что индивид развивается нормально до тех пор, пока не получает психическую травму, «с этого момента доминирующее влияние на его развитие осуществляет то решение, которое он нашел для того, чтобы справиться с последствиями конкретной травмы» [5, с. 111]. Вытесненное травматическое воздействие «забывается» человеком, но сохраняет присущую ему психическую энергию влечения (катексис). Стремясь вернуться в сознание, вытесненное может ассоциироваться с другим вытесненным материалом, формируя психические комплексы (подмена). Ослабление защитных механизмов способствует возвращению

вытесненного в сознание. Вытеснение не только самый простой, но и самый опасный механизм. Отмежевание от Я может полностью нарушить целостность личности. В таком случае ситуацией владеет «Сверх-Я», его контролирующая функция, делая индивида слепым и глухим в отношении информации, несет угрозу системе защит. С этим связан феномен отделения эмоциональной компоненты травмы от когнитивной. Человек помнит ситуацию, но осознает ее сугубо рационально и фрагментарно. Так, будто она вполне нейтральна и не несет угрозу для личности. Это объясняет феномен нежелания избавиться от травмы, ведь выход из нее может быть угрозой для жизни человека [5]. В исследовании травматического опыта наблюдаем три понимания: травма – событие (утрата), травма – процесс (травма как сюжет), травма как коллективное явление.

Связь индивидуальной и коллективной травмы в трудах психоаналитиков неоднократно отмечается через изучение механизмов психологической защиты.

В экстремальных, критических условиях жизни защита закрепляется, приобретая фиксированные формы [5], проявляясь в неподходящих ситуациях взаимодействия, которые вызывают проекцию и резонанс. Люди, прошедшие через горнило холокоста, находясь в концлагерях, выжили благодаря «отрицанию», «регрессии», «расщеплению», но после освобождения не смогли избавиться от этого способа реагирования.

Травмы прошлого мы воспринимаем в условиях неосознанного пребывания в новой травматической ситуации. Переживание «культурного шока» со временем создает у людей «защитный слой», «важным социальным механизмом преодоления травмы является возникновение эффекта расщепления» [6, с. 66] З. Фрейд и И. Брейер обнаружили этот механизм в результате гипнотического воздействия. Некоторые авторы объясняют эффект расщепления как двойную биографию.

На протяжении XX века в исторической психологии и культурологии усиливается внимание к биографическому методу. А. Аарейлайд-Тарт уверена, что «культурологическо-травматический дискурс возник именно в ходе биографических обсуждений, когда респонденты взвешивали правильность выбора и верность принятых на разных жизненных этапах решений как единственно возможных» [6, с. 69]. Несколько параллельных биографий – обычное явление для людей, живших в тоталитарной системе

(сокрытие истинной биографии от быстрых изменений доктрины). Смещение после разрушения системы актуализирует стратегию создания защитного слоя («я такой как вам нужно») или конструирование смысла происшедшего, как самоинтерпретация. Формируется новый тип «гибкой» идентичности, включающий различные варианты реагирования.

Механизм преодоления травмы для каждой нации является уникальным, однако, например, травмированное сознание западных украинцев отличается от травмированного сознания восточных украинцев, так как их исторические пути были разными. Травматический опыт может быть объединяющим началом нации в определенной полярности, если она имеет одного и того же травмирующего объекта – агрессора. Так, например, в период оккупации дружеской российской армии Крыма в канун 8-го марта 2014 года, совершающей защиту русскоязычного населения от «наступления фашизма», не учитывая настроений крымских татар, украинцев и других национальных меньшинств, мы стали свидетелями вывоза детей и женщин крымцев в западную часть Украины, мусульмане начали объединяться с греко-католиками, как не парадоксально, но факт, не говоря уж о познавших такую интервенцию грузинах, которые, как и армяне принимали активное участие в протестных акциях Евромайдана. Крымские вокзалы весной 2014 года, начали очень напоминать московские 90-х годов. Малые народы объединяются и сопротивляются вторжению, нарушению их границ целостности. По своей сути, мотивации, акции вторжения российской армии есть ничто иное как «отыгрывание», вымещение аффекта, обид на западных украинцев и перенос этих обид на весь народ, за их содействия немецкой армии в начале Великой отечественной войны, а также желание возратить («вынужденное повторение») былое Величие России. Очевидно отсутствие глубинной психотерапии в верхних стратах российской власти.

Стабилизация негативного опыта может служить основой национальной идеи и патриотизма в их негативных проявлениях – фанатичной слепоте, необходимости борьбы с «врагом», как «отыгрывание пережитых предыдущим поколением не отреагированных тайн, обид.

Если травмы не нашли достаточной психологической переработки (психотерапии), то происходит трансгенерационная передача травмы последующим поколениям и накопления негативной энергии в плоть до разрушительных тенденций.

Подтверждением «незавершенного действия» активистов майдана 2004 года является повышенная активность и агрессивность активистов 30 декабря 2013 и начала 2014 года.

Коллективная травма требует определенной переработки, которая может быть осуществлена в различных формах: воспевании, оплакивании, трауре, ритуализации, т.е. проигрывании ухода. По наблюдениям очевидцев из России (со слов журналистов, живущих в Германии, по работам Хеленгера), немцы «многоотреагируют, визуализируют «шрамы своей оккупации», созданной «иллюзии кумира» с А. Гитлера, оказывают помощь оставшимся в живых евреям и их родственникам.

«Закрывать» коллективную травму почти невозможно. Неуловимость травмы заключается в том, что она не осознается, а следовательно, не вербализуется («вещи не называются своими именами»), это – история молчания, вытесненного, непроговоренного.

Но, если травма не вербализуется, то она – визуализируется в образах активного воображения, проективных рисунках «линии жизни», сновидениях. Травма репрезентируется в задержке памяти (ассоциации), соматических реакциях (следы, оставленные в теле – паралич отдельных органов, тик, покраснение и т.д.), и символизации, образах (пенек, поломанные деревья, отсеченный пенис, вырванные корни и т.д.). Эти «отщепленные» комплексы образов, интуиций и ассоциаций препятствуют видеть ситуацию реалистично и адекватно, брать ответственность за свой выбор.

Травма проявляется на организмическом уровне, как остатки соматических следов (дыхание, дрожь, скрежет зубов, стеклянные глаза и т.д.). На эмоциональном уровне она проявляется как общий фон для всех форм поведения, например, постоянная депрессия, бравада, агрессивные проявления. На смысловом уровне травма не проявляется, она маскируется. Невозможность смысловой интерпретации травмы связана с вытеснением произошедшего события, проблема в том, «что в памяти не находится места для «архивации» воспоминаний подобного рода» [3, с. 14], что говорит о ее «отщеплении» во фрейдовском понимании.

В проектировании будущего осознание травматического опыта приводит к выстраиванию двух стратегий: «жить без травмы», «жить с травмой, приспособиться к ней, порождая новые травмы». Проектирование будущего при проведении методик «Линия жизни» среди студентов, онкобольных, стариков позволило выявить образы – следы

травматических событий (глубокие ямы, пустоты, зажатия в ограниченном пространстве и т.д.).

Украина имеет в своей истории много травматических событий (вспомним работу В. Васютинского «Семь страхов украинцев», «вольнoblуждающий страх нации» О. Чабана), которые являются результатом вытесненных, подавленных аффектов и переживаний. Происходили также изменения восприятия и интерпретации событий, когда подвергались ревизии определенные традиции и оценки, заново переписывалась история, бесславно терялись собственные герои, вместо одних героических мифов формировались другие.

Травматические изменения называются коллективными, когда травмируются целые сообщества – цивилизации, регионы, этнические, национальные группы. Это могут быть как внезапные, непредвиденные изменения (войны, революции, ломка общественного строя, бегство лидера, массовые миграции, экономические кризисы и т.п.), так и длительные, накопительные процессы, например, загрязнение окружающей среды, рост смертности населения, все большая интенсивность дорожного движения, распространение болезней, связанных с цивилизацией.

Событий, которые оставили такой след для украинского общества, достаточно много:

- Изменение символов естественной языческой веры, как «удар» другой культуры;

- Народ Украины, претерпев принудительное внедрение христианства, долгое время жил под гнетом татаро-монголов, поляков, австро-венгров, великороссов, которым украинцы не могли доверять, что нарушало процесс самоидентификации;

- Многочисленные войны, революции, оккупация украинского сообщества другими «дружественными» странами;

- Раскулачивание (как «отрыв» либидо от жизненно важных объектов, травма либидо);

- Голодомор (32-33, 46-48 годы XX века);

- Массовые преследования и репрессии;

- Принудительное переселение западных украинцев на Восток (тысячами людей грузили в вагоны и неделями, без еды, везли в Казахстан, по дороге они умирали на глазах у детей, трупы выбрасывали).

Респондентами субъективно оценены по глубине потрясений:

война, голод, переселение (с запада на восток, с юга на восток), репрессии, потеря кормильца-мужа, отца, ребенка.

Вполне уверенно можно сказать, что все эти события оставили в психике коллективного подсознательного определенный семантический след. Когда по духовным и культурным ценностям общества, обычаям наносит удар другая цивилизация, начинается распад его на части, дезориентация и расщепление – обособленность от целого. Это ситуация, когда «люди теряют смысл жизни, их социальная организация распадается ... » [4, с. 283] .

Нами обнаружено, что невозможность квантования жизненного пути может быть следствием травматического опыта, имеющего корни в коллективной памяти. Но через концепцию травмы и эмоционального резонанса становится понятным, почему украинцы выбирают среди претендентов на президентское, депутатское место (даже на лучшего певца) – человека, пережившего большую травму – сироту, заключенного или человека с явными нарушениями зрения и т.д. (не лучшего профессионала). Очевидно, что травма становится образом «идеализированного Я», необходимым критерием выбора и признаком национальной идентичности.

Квантование жизненного пути как способность на основе личностного ценностного выбора осознанно и неосознанно формировать собственный жизненный мир, пространство событийности, связано, прежде всего, с изменением сферы потребностей человека, и, соответственно, образованием специфического семантического поля, отвечающего этим потребностям.

Квантование является реализацией определенной пространственно-временной модели, в процессе квантования человек выделяет координаты семантического пространства, обуславливает выбор значимых лиц. В квантовании учитываются уровни коллективной и индивидуальной травмы. Коллективная травма задает уровень индивидуальной, служит эмоциональным фоном для интроекта, а значит и распространению в социально–психологическом пространстве.

Квантование возможно только в позитивном семантическом поле (в негативном один выход – идентификация с агрессором).

Что мы имеем в виду под положительным семантическим полем? Положительное семантическое поле раскрывает новые смыслы, а отрицательное – повторяет старые. Так, большевики уничтожали частную

собственность, 3. Фрейд предполагал результат этого явления как условие будущего самоуничтожения («Я и оно», 1923 г.). Положительное поле – это не ситуация, когда все очень хорошо – это оптимальный уровень трудности, необходимый для развития.

Отрицательное семантическое поле является следствием «вынужденного повторения», когда травматическая ситуация (насилие, предательство, безразличие) воспроизводится даже в новом месте и в новых обстоятельствах, она моделируется. Метафоры травм «скованные ноги», «камень в груди», «тяжесть на сердце», нехватка воздуха, говорят также и о соматической природе этих явлений.

Отличие травмы от кризиса заключается в том, что кризис – закономерный нормативный процесс, как правило, связанный с возрастным развитием личности. Проживая его, человек по-новому видит мир, у него появляются психологические новообразования. Травма как отщепленная энергия одновременно порождает фиксированные ригидные способы защиты и вызывает угрозу повторения, имеет трансгенерационную тенденцию распространяться в пространстве (энтропия) и субъективно воспринимается как спад эмоционального тонуса, потенциальная яма. Кризис личность переживает, а травмы носит в себе, защищает как ценность. Травмированное сознание образует кванты не по ценностным характеристикам, а по бессознательным мотивам ее повторения.

Квантование возможно лишь на основе адекватности внутреннего и внешнего опыта, поэтому предполагает выход за пределы травматической замкнутости и повторяемости. Квантование предполагает наличие возможностей изменения ситуации, а значит наличие определенного энергетического потенциала. Но в любом случае, зависимость от прошлого не дает жить в настоящем.

Именно поэтому практика работы с жизненным путем личности, по сути, и является проживанием травматических событий с целью освобождения капсулированной энергии и возможности переосмыслить старые и формировать новые жизненные цели и перспективы.

Положительное семантическое поле является условием для избавления от страхов, неуверенности, агрессии, оно выступает зеркалом внутреннего мира, но есть смысл сосредоточить внимание именно на объективных характеристиках семантического поля.

Здоровый человек, сильная личность может развиваться вопреки

негативному окружению, то есть уровень неприятия не превышает ее возможности сопротивляться.

Полнезависимость – ценное качество для возможностей процесса квантования перспективы жизни. Попадание в негативное семантическое поле есть проявление страха смерти (подсознательного ее желая). Зависимость от положительного семантического поля тоже разрушительна, человек боится изменить свою жизнь – то есть боится жизни, так как она может быть непредсказуемой. В связи с этим «цепляние» за «позитивные» фигуры является «спасением». Так, например, мужчина, держащийся за мать, не способен принимать самостоятельные решения – психологически не рожденный, не отделенный от нее. Возможность свободы его пугает, ведь брать на себя ответственность (хотя бы за самого себя) он не привык. Помощь заключается в том, чтобы гештальт своей жизни люди увидели с другой стороны, как другую структуру и, самое главное, с позиции перспективы СВОЕЙ жизни.

Наблюдение и исследование психотерапевтических групп позволило нам сделать выводы о локализации травматического опыта как застывшей модели в отношениях с людьми (внешний аспект), или в пристальном внимании к особенностям функционирования собственного организма и отдельных органов.

Итак, теория травмы, которая становится всё более актуальной в последнее время, должна быть применена к анализу жизненного пути человека и исследоваться на двух уровнях: индивидуальном и коллективном как жизненный путь сообщества или этноса, страны в целом.

Трансгенерационный механизм способствует передаче травматического опыта из поколения в поколение, но передаются также и средства преодоления травмы (народные практики, методы психотерапии). Культура и групповое бессознательное сохраняли, нарабатывали, передавая из поколения в поколение, не только не свершившиеся ожидания, но и средства преодоления травм (народные практики как способы исцеления: обращения к умершим как живущим на небе («небесная сотня», «зеленые святые» как вере в жизнь умерших в листьях деревьев, ритуал прощания с мужем при жизни, суть которых – методы психотерапии, которые обеспечивают отделения себя от погибших, умерших и эмоционального катарсиса). Все эти и много других созданных народом практик обеспечивают позитивную трансгенерацию как

позитивную проекцию способов выживания последующим поколениям.

Жизненная перспектива имеет свою динамику разворачивания: идентификация с группой лидером, затем поляризация (как отступление и распад группы на центростремительную тенденцию и центробежную как поиск поддерживающего, нетравмирующего «родового начала»: выезд за границу, эмиграция; следующей стадией является дезинтеграция (проявляется в дезорганизации) как необходимость принятия и переосмысление пережитого ранее травмирующего опыта и только при ее прохождении возможна интеграция личности, группы, общества в целом. Указанная модель стадий межличностной динамики процессов может прогнозировать развитие событий в группе и обществе.

Концепция проектирования жизненной перспективы

Семантические поля, детерминирующие процесс квантования, образуются по законам постоянного преодоления травматического опыта. В тех случаях, когда возможности преодоления превышаются, образуются «иллюзорные» или отщепленные кванты, которые могут даже создавать субличности, происходит застревание в травмирующей ситуации, активизируется бессознательное, а именно: «Комплекс спасителя – архетипический образ коллективного бессознательного, и действительно естественно активизируется в эпохи, так насыщенные дезорганизацией, как, например, наша» [4, с.171]. К. Юнг в своей работе «Символическая жизнь» указывает: «Когда у отдельных индивидов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и находимся в настоящем» [4, с. 173]. В украинском варианте мы находимся в интроектированной истории Сталинского периода, с изменением владельцев предприятий, тюремными заключениями оппозиции, внушением страха, воспеванием лидера, его многочисленными

портретами, императивной позицией и т. п. С точки зрения ролевого подхода [8], настоящее – есть «проигрывание прошлого», что является признаком коллективной психотравмы. По референдным лозунгам, манипуляционным стимулам Севастополя – «Остановим фашизм – все на референдум!» – можно утверждать о регрессивном характере развития социальных событий, дезорганизации и образовании полярностей, возврату взаимоотношений к 30–40-м годам прошлого столетия.

Для украинцев бегство в воображаемые миры, символизм, как результат непрожитой жизни, является особенностью национального характера и необходимостью выживания, поэтому есть основания говорить о коллективной травме как основе идентичности украинского народа. Навязанная вера в несбывшийся коммунизм заместилась верой в «совершенство Евроинтеграции». Украинцы, избавившись от своих травм, во многом потеряют свою идентичность. Выход из мира параноидальных проекций создаст действительно непредвиденную ситуацию – свободу, – исчезновение образа «врага» и внутреннюю самодостаточность, но пока этого не произошло, актуализируется образ «Спасителя» и поиск «врага» даже в своем близком окружении. Что в свою очередь притягивает «Его появление».

Выводы. Один из главных выводов нашей работы – необходимость массовой психотерапии для всего постсоциалистического пространства, которое захвачено иллюзией неадекватных ожиданий.

Не только индивидуальные психотравмы имеют тенденцию к повторению, но и массовые, коллективные травмирующие события (уже в следующих поколениях, а иногда и через несколько поколений).

Умалчиваемые переживания, эмоциональные состояния трансгенирируются (передаются с ростом их количества, происходит накапливание отрицательных переживаний) следующим поколениям, что проявляется в межпоколенных протестных настроениях, многочисленных миграциях, эмоциональном разрыве, дезорганизации, подростковых суицидах. Следующее поколение, которое будучи опекаемым «травмированным» поколением, – преумножает пережитые травмирующие события, поскольку начинает строить свой жизненный выбор «наперекор», через протест, борьбу.

Литература:

1. Василюк Ф.В. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.В.Василюк - М.: Издательство Московского

университета, 1984. – 200 с.

2. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // З. Фрейд. Основной инстинкт. Сост. П. Гуревич. – М.: Олимп, 1997. – С.194-249

3. Травма. Пункты: Сборник статей / Сост. С.Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 903 с. Ил.

4. Юнг К. Символическая жизнь // К.Юнг. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2003. – 326 с.

5. Балинт Михаэль. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии / Пер. с англ., М.Балинт - М.: "Когито-Центр", 2002. - С. 21-30

6. Аарейлайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования / А. Аарейлайд-Тарт – 2004. – №1.– С. 63-72.

7. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. / А. Шутценбергер – М.: Изд-во института психотерапии, 2005. – 240 с.

8. Горностаев П. П. Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. – К.: Интерпресс ЛТД, 2007. – 312 с.

9. Калшед Дональд. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа / пер. с англ. В. Агарков, С. Кравец. М.: Академический Проект, 2001– 345 с.

Semilet N. V. Konceptcija transgeneracii kolektivnoj travmy: sposoby iscelenija / N.V. Semilet // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. - №2, 2014. – S. 24-37.

© Н. В. Семилет, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

Подписано в печать 30.06.2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

Запрещается перепечатка статей без разрешения редакции.

При использовании материала ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в системе электронного нотариата (www.copytrust.ru) 05.11.2012 г.

Регистрационный номер - 07N-4S-SH.